

Юрий Любимов: "Я стараюсь говорить от своего имени"

Юрий ЛЮБИМОВ - талантливый актер, известный режиссер, вынужденный эмигрант. Он, как датский принц Гамлет, да и многие менее знатные и знаменитые особы, всю свою жизнь решал: "Быть или не быть?!" И если быть, то где, с кем и на каких условиях. Тем временем ему, человеку, родившемуся раньше Октябрьской революции, минуло 80 лет, а его Театру на Таганке буквально на днях исполнится 35.

Год первый, он же 1964-й

- СОВЕТСКИЙ народ всю жизнь знал: Лубянка, Бутырка, Таганка. Я тоже это знал, хоть и был внуком крепостного крестьянина, но отец мой имел несчастье окончить коммерческое училище, за что и был не единожды арестован... А вот с 64-го года, говоря "Таганка", приходилось уточнять, о чем речь - о театре или о тюрьме. Потом тюрьму снесли, путаница прекратилась. Но ненадолго. Помните...

Таганка! Все ночи полные огня!

Таганка! Зачем сгубила ты меня?!

В 70-е приходилось объяснять, что эта песня не про ночную очередь за билетами на премьеру и не про загулы Володи Высоцкого...

Таганка началась с "Доброго человека из Сезуана". Брехт в те времена был неизвестным автором. Когда я прочел пьесу, понял, что для нее нужно нечто большее, чем то, что могла предложить наша театральная школа. Вспомните то время: МХАТ - лучший театр, советскость и станиславскость - лучшие системы. Один из моих учителей, Михаил Михайлович Тарханов, "боролся" со Станиславским, цепляя штамп одной роли к штампу другой, пока из уст мастера не слышал заветного "Верю!". Мое новшество заключалось в том, что студенты учились и играли одновременно. Неожиданно для меня у них получилось. А из них получился театр. Авторский театр, не ставивший современную драматургию. Поэтический театр, сам создававший себе композиции. А "Добрый человек...", добавив Таганке звание театра новой эстетики, стал к тому же моим первым спектаклем, который запретили.

Год шестой, он же 1970-й

- ТО, ЧТО при запретах работать было лучше, это все советскость в головах наших. Какая может быть ностальгия по тем временам, когда спектакли по 5-10 раз "сдавали". Уже и не в радость было то, что получается. "Живой" Бориса Можаева вообще пролежал 21 год, чуть не умер, простите за каламбур. Петр Капица, который поддерживал меня с первого спектакля, говорил, что я сам - можаевский живой. Однажды мне предложили поставить что-нибудь по своему выбору из Брежнева. Дешешу с печатями даже прислали. Мы с Можаевым на полном серьезе им ответили: "С вниманием прочитав экстренное послание, хотели бы знать, согласована ли с автором возможность поставить мной его произведение. Если нет, то это говорит о том, что вы не умеете уважать авторского права. А если да, то хотелось бы знать, будет ли это работа совместно с автором или он утвердит готовый спектакль".

Одно время я шутил, а не сделать ли Таганку подведомственной Лубянке. А что, я же служил в ансамбле у Берии еще до войны. Там была дисциплина, строгость. Кроме того, компания хорошая была: Шостакович, Мессерер, Охлопков, Рубен Симонов. Немирович-Данченко приходил программы ставить. Тоталитаристов всех времен и народов раздражало чуждое и непонятное им. Но в работе я старался о них не думать. Как и Мейерхольд, делал каждый спектакль как последний. Но как актер, думаю, в игре на сцене выдыхаться каждый раз не стоит. У наших актеров модно вечером отыграть спектакль, а наутро прийти с таким видом, что, все вокруг спрашивают: "Ты что, выпивал?" - "Нет, темперамент укрощал".

Когда удавалось сделать что-то приличное на сцене, то мне казалось, времена неплохие. Когда еще сам играл в Театре им. Евг. Вахтангова, мне Сталинскую премию давали? Однажды я был Ромео. Мы играли спектакль по переводу Бориса Пастернака. Он сидел с Вознесенским в первом ряду партера. И, когда я

фехтовал с Тибальдом, шпага обломилась и вонзилась как раз между ними. Обломок потом мне показывали, а в народе ходила легенда, что я заколол Пастернака... Это все потому, что мы привыкли домысливать. Куда лучше говорить от своего имени.

Год шестнадцатый, он же 1980-й

- АКТЕРЫ любят говорить, что "время Таганки" кончилось со смертью Володи Высоцкого. Да, его смерть была потерей для тех, кто его любил. А многие из коллег, кстати, его терпеть не могли - конкурент. Но это ведь артисты, они что хотите изобразят. Будут так рыдать и вроде бы настоящими слезами?

Он появился на Таганке сразу после возникновения театра. Кажется, его привели наши дамы. Вошел ко мне: кепарь, серенький пиджачишко. Прочитал что-то маловразумительное из раннего Маяковского. А потом предложил спеть. Я только спросил, чьи тексты, и пригласил его в театр. Меня пытались пугать заверениями, что он сильнопьющий, а я говорил: подумаешь, одним алкашом больше, одним меньше. Я думаю, что он, если бы жил сейчас, писал прозу. Он мне признавался, что от музыки стих легче ложится. Мне кажется, что он для этого и брэнчал. Когда делали спектакль памяти Высоцкого, я попросил Альфреда Шнитке, чтобы он его аранжировал. Альфред сперва сделал что-то, а потом все снял и сказал: "Не надо, это его мир".

Потом мы ставили трифоновский "Дом на набережной", пушкинского "Бориса Годунова". А потом вдруг Брежнев умер, пришел Андропов и увидел в Годунове себя. В общем, все позакрывали, а меня сослали, как Гамлета, в Лондон. Шесть лет я работал за рубежом, лишенный советского гражданства, потом мне его вернули. Но к тому времени у меня уже было израильское... Если я поставлю Пушкина сегодня, а я уже начал заниматься "Евгением Онегиным", мне тоже что-нибудь инкриминируют. Например, что пытаюсь приурочить спектакль к юбилею. Говорю сразу - это не так.

Год двадцать шестой, он же 1990-й

- КОГДА мы вернулись, сыну нужно было учиться. Показали ему школу. Понравилась? Нет. Почему? А почему висит один мужчина везде? Он вам все создал, да? Почему у вас повсюду так воняет туалетом, грязно? Я не хочу учиться здесь. Я в его возрасте тоже отцу резкости говорил. Вокруг была пропаганда: все хорошо, страна впереди планеты всей. А отец только спрашивал, когда это кончится. Приходилось замечать, что "Вы, папа, отсталый тип. Правильно вас сажали".

Говорят, что я "космополит безродный": работаю в Москве, "прописан" в Израиле, жена - венгерка, сын, ему 19 лет, учится в Кембридже. Так сложилось. Я в Москве наездами, но собираюсь всякий раз, как на фронт. Запасаясь лекарствами и терпением. В блокадном Ленинграде знал, что мне никто не поможет. Или я подохну, или выдержу.

Но... здесь нельзя нормально работать. Потому что на такие зарплаты, какие есть у актеров, нельзя нормально жить. Вот им и приходится сниматься, в том числе и в рекламе, концерттировать. А мне спонсоров на зарубежные гастроли искать... Володя Высоцкий получал 150 рублей. А шофер автобуса - 220-350. Он давал концерты, после которых ему собирали в конверт 400-500 рублей. Разве это деньги, а его ловил ОБХСС, вызывал меня и вопрошал, кого я воспитал. Я пытался крохоборам этим объяснить, что жена у него Марина Влади и ему стыдно, что он ничего для нее сделать не может...

Сейчас мало что изменилось. Народ такой же советский. Почему? Ну, помните, когда события в Югославии начались, посольство американское забросали яйцами. Так вот, я понял бы бросавших, если бы они на следующий день к американцам пришли и попросились бы на работу - посольство покрасить...

После моего возвращения, говорят, я изменился по отношению к артистам. Гоню их к результату и не терплю долгих застольных периодов. У нас ведь привыкли репетировать долго и считать, что чего-то не

понимать без режиссера в роли - признак хорошего тона. А на Западе психология другая. Оперу репетируют 5-6 недель, драму - 7-8. И актер должен во всем сам разбираться. Был случай с Екатериной Васильевой. Она начала просить Петера Штайна что-то ей объяснить. А он объявил перерыв, позвал продюсера и говорит: "Будьте добры, найдите другую актрису".

Год тридцать пятый, он же 1999-й

- НЕ ХОТЕЛ ли я, чтобы два театра на Таганке вновь стали одним?! Вот вам бы изменил муж, а потом сказал: может, нам все-таки жить дальше, а я изменять тебе по-прежнему буду. Что бы вы сказали?.. Только когда все эти грустные разделения случились, я их просил - поберегите легенду!

Не возникает ли у меня желания уйти из театра?! Как это можно? Я пришел сюда со своим курсом. Мы все переделывали здесь сами, собственными руками: каждый стул, каждый фонарь? Мои физические силы, благодаря Господу Богу, позволяют мне репетировать по 6-8 часов в день. А вы говорите - уйти...